

Елена Воскобоева

«Блокадный дневник» в театре

Елена Воскобоева. Кандидат филологических наук, специалист по русской литературе XX века, шварцевед. Окончила аспирантуру РГПУ им. А. И. Герцена. Автор-составитель семи книг по литературоведению и педагогике. Постоянный участник научных международных форумов, конференций, семинаров. Более сорока публикаций в различных педагогических и литературно-художественных изданиях («Кормановские чтения», «Альманах “XX век”», «Литературная газета», «Нева» и др.). Член Профессионально-педагогического объединения учителей Санкт-Петербурга «Поликультурная школа Санкт-Петербурга». Живет в Санкт-Петербурге.

Блокада Ленинграда стала точкой отсчета нового времени и в истории, и в культуре. Мы много говорим о блокадной литературе — той, которая создавалась во время блокады, и той, которая создавалась после. Дневники и воспоминания были основными жанрами. Современное искусство бережно относится к блокадному наследию.

Одним из первых текстов о блокаде, поставленных на сцене, стала пьеса Евгения Львовича Шварца «Одна ночь» (1942), практически единственная в его творческом наследию, не имеющая сценической истории. Шварц написал «Одну ночь», находясь в эвакуации в городе Котельнич Кировской области. Она произвела огромное впечатление на Л. Малюгина, заведующего литературной частью БДТ им. Горького, который в то же время находился в Кирове. Правда, к зрителю «Одна ночь» пришла только в 1975 году в постановке Театра комедии в Ленинграде.

Соединить «тогда» и «сейчас» удалось также содружеству петербургского Театра «На Литейном» и АНО «Театральная лаборатория Яны Туминой». Создатели — режиссер Яна Тумина, авторы оригинального сценария Яна Тумина и Наталия Соколовская, композитор Анатолий Гонье, художник Эмиль Капелюш — поставили спектакль «Гекатомба. Блокадный дневник», премьера которого состоялась 5 июня 2018 года.

В его основе, жанрово обозначенного как документальная мистерия, лежат дневниковые записи и воспоминания ленинградцев-блокадников Льва Ильина («Прогулки по Ленинграду»), Даниила Гранина и Алеся Адамовича («Блокадная книга»), Лены Мухиной («Сохрани мою печальную историю...»), Льва Маргулиса («Человек из оркестра»), Ольги Берггольц («Блокадный дневник»), Юры Рябинкина, Ксении Матус, Бори Капранова и др.

На наш взгляд, название спектакля очень точно отразило суть происходящего на сцене: люди, как не выжившие в блокаду, так и перенесшие ее, — это жертвы террора.

Авторы дневниковых записей, ожившие на сцене, — люди искусства, ставшие героями блокадного сюжета, здесь же они обрели своих двойников — кукол. Эти куклы оказались многофункциональными: это родные и любимые, которые были рядом, и которых не стало, это и физическая «оболочка» оставшихся и выживающих. Один из главных героев спектакля — город Ленинград, представленный архитектором Львом Ильиным. Известно, что Ильин не дописал свой текст: рукопись представляет собой десять тетрадей с рисунками.

«Ленинград многое видел при своем росте. Его рост — это история, это цепь событий. Ленинград времени Отечественной войны сегодняшних дней — новая эпическая страница его бытия.

История не знает такой длительной осады города многомиллионного, такого, как Ленинград.

Черты облика Ленинграда лаконичны, просты, суровы и прекрасны. Ленинград войны еще суровее, суров до трагизма и прекрасен, как классическая трагедия для тех, кто в нем жил, с ним жил, его видел (с ним переживал войну Отечественную) во время войны и осады».

В городе остались люди, не способные говорить вслух, бессильные, ослабшие. Силы находились только на самые важные слова, которые затем перешли в записи, воспоминания, сложились в книги, и в них — душа. Слова эти — прошепанные, произнесенные, прокричанные актерами, переживающими и проживающими со своими героями очевидную трагедию, — очень глубоко отозвались в зрителях.

Эмоциональное потрясение испытали все. Полтора часа спектакля — это девяносто минут молчания в память о погибших. Память ведь не только нравственная категория, но и скрепа, соединяющая *тогда* и *сейчас*, *живых* и *мертвых*. И книги, и спектакль — это тоже скрепа, *памятник* искусства, способ *вспомнить* и *помнить* об ушедших.

Ольга Берггольц

Память

Всей земною горечью и болью
навсегда во мне останься жить;
не забуду, не скажу — довольно,
не устану бережно любить.

В мире, счастьем, как росой, омытом,
буду щедрой, любящей, простой –
если ты не будешь позабыта,
если ты останешься со мной.

Это стихотворение Ольга Федоровна написала в 1937 году, за несколько лет до блокады, но уже в предчувствии надвигающейся грозы...

Когда слов не осталось — тишина и молчание накрыли Ленинград. И театр. И зал. И зрителей. После спектакля уходили молча, надрывно, тяжело. Мы все почувствовали вместе с актерами и с НИМИ, которые остались в памяти и в словах.